

Тариева Л.У.
Ингушский государственный университет
Ингушский научно-исследовательский институт им. Ч.Э. Ахриева
г. Магас
E-mail: Tarieva00@mail.ru

ПРОТОТИПИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЛИЦА ГОВОРЯЩЕГО В КОНТЕКСТЕ С ДРУГИМИ ЛИЦАМИ ПАРАДИГМЫ

Аннотация. В данной статье рассматривается онтологически присущая лицу функция говорения, квалифицируемая в качестве обнаруженной уже смоделированной в прагматической ситуации *укхаза хIанз* 'здесь и сейчас' в дистинкции собственного эго, и потому квалифицируемой в качестве постулированной. Лица парадигмы дистрибутируются в семантической структуре различных глаголов в качестве магистральной валентности. Глаголы, закодированные эгоцентричными лицами парадигмы, распределяются по различным корпусам.

Ключевые слова: лицо Говорящее, прототипическая функция, эвиденциальная закреплённость, прагматическая ситуация, постулированность.

Tarieva L.U.
Ingush State University
Ingush scientific research institute named after Ch. E. Akhriev
Magas
E-mail: Tarieva00@mail.ru

PROTOTYPICAL FUNCTION OF SPEAKING PERSON IN THE CONTEXT WITH THE OTHER PERSONS OF PARADIGM

Annotation: This article considers the function of speaking ontologically inherent to the person qualified as already having founded in pragmatic situation *here and now* in distinction of one's own ego and therefore qualified as postulated. Paradigm persons are distributed in semantic structure of different verbs in the central valency function The verbs coded by self-centred paradigm persons are distributed into different frames.

Key words: a speaking person, prototypical function, evidential fixedness, pragmatic situation, postulation.

Исторически прототипической функцией лица Говорящего как компонента парадигмы лица ингушского языка является *лер* 'речение', то есть артикуляция в целях сообщения или номинации [4].

Речение в одно слово-местоимение *со* 'я' представляет собой такой пропозитивный акт, в котором сообщается информация о *йистхула юхь* 'лице

Говорящем'. Передача данной пропозитивной информации в континуум мышления осуществляется лицом Созерцающим в двух дискретных актах:

- 1) акте референции, указывающем на лицо (предмет) в дистинкции собственного *со* 'эго';
- 2) акте предикации, информирующем о предизируемом референции (то есть лицу) свойстве *лер* 'говорении'.

Свойство *йистхилар* 'речение', прототипически предизируемое лицу Говорящему, представленному в эргативном языке номинативной формой имени, обнаруживается чувствительностью лица Созерцающего, морфологически обозначенном аффективной формой имени в акте познания собственного *со* 'эго':

1. *Сона (AFF) гу, со (NOM) лув* 'Я вижу, что я говорю' (то есть обладаю способностью говорить).

Прототипическая функция предложения, дискретно представляет лицо в одной из его функций (функции артикуляции). Обнаруженная в результате интенции лица Созерцающего [7, с.198] в рефлексивном режиме интерпретации канонической (элементарной) речевой ситуации функция предложения экспонируется эгоцентричным речедеятелем посредством высказывания *со* 'я'. Рефлексивный режим интерпретации речевой ситуации указывает на то, что человек создавал язык, прежде всего, в процессе осознания себя как субъекта и объекта речи одновременно [5, с. 84-85].

В акте восприятия собственного *со* 'эго' лицо Созерцающее интериоризует пропозитивную информацию о «лице говорящем», экспериенциально доставив ее в континуум мышления индивида. Здесь информация о *лер* 'говорении' в целях сообщения (или номинации) эвиденциально откладывается в соответствующей ячейке перцептивного мышления речедеятеля в качестве живой картинке, или иконического знака: «лицо, которое артикулирует» [9]. Эвиденциально закреплённая информация о лице как говорящем объекте речи удостоверяется субъектом с эпистемическим статусом высказывания:

1. *Сона (AFF) хов, сона (AFF) гу* ‘Я знаю, что я вижу’.

Свойство *лер* ‘говорение’ как признак, приписываемый референту, удостоверяется прежде лицом Созерцающим:

2. *Сона (AFF) гу, со (NOM) лув* ‘Явижу, что я говорю’.

Лицо Созерцающее как визуальный эгоцентрик парадигмы лица, интериоризует (овнутряет) диктумную информацию, которую оно удостоверяет (пример 3). Антропоцентрическая категория *хов саг* ‘*homo sciens*’, то есть человек знающий с эпистемическим статусом высказывания, контролирует, с одной стороны, механизм запуска перцептивного модусного субъекта лица Созерцающего:

3. *Сона (AFF) хов, сона гу* ‘Я знаю, что я вижу’.

С другой стороны, субъект с эпистемическим статусом удостоверяет также интериоризованную эгоцентриком лицом Созерцающим наблюдаемую пропозитивную информацию:

4. *Сона (AFF) хов, со лув* ‘Я знаю, что я говорю’;

Лицу Говорящему принадлежит функция *йистхилар* ‘изречения’ (*лер* ‘говорения’), обнаруженная и интериоризованная интенционально-экспериенциальным лицом Созерцающим в качестве исполненной в прагматической ситуации (инг. *со в а хланз* ‘я мужчина в пространстве теперь). Сравните:

5. *Со (NOM) йистхул* ‘Я говорю’.

6. *Со (NOM) лув* ‘Я говорю’.

Фоновым знанием шестой ситуации является «обладаю способностью артикулировать, изречь один раз», а в седьмой ситуации – «артикулирую не единожды, а много говорю». Компоненты фонового знания в приведенных ситуациях артефактны. Лицу Говорящему принадлежит, если использовать терминологию М. Хайдеггера, артикулированное оглашение мысли [11]. Лицу Говорящему принадлежит экспонация мысли актом артикуляции, который не обязательно должен быть совмещён с акустическим оглашением мысли.

Осуществление речения, принадлежащего лицу Говорящему, артефактно, так как свойство *лер* 'говорение' маркируется речевым сознанием в качестве исполненного в прагматической ситуации, то есть «на глазах» лица Созерцающего. Поэтому «за спиной» приведенных высказываний (примеры 6, 7) стоит лицо Созерцающее, которое в качестве субъекта с эпистемическим статусом может быть и экспонировано (ситуации 2 во второй части, в примере 3 в рамочной части, в 4 примере во второй части), а может и оставаться за кадром (примеры 6-7).

Лицу, которому предидируется речение, онтологически присуще свойство артикуляции в целях сообщения (номинации), осуществление которого засвидетельствовано в перцептивном мышлении посредством модуса лица Созерцающего как артефактное. Модус понимается в качестве лица, имеющего непосредственное отношение к сообщаемой информации. Лицо Созерцающее как модус, имеющий отношение к пропозиции «лицо говорит», способно удостоверять эту информацию, как правило, в модусной части гипотаксиса (пример 3). Исполнение свойства говорения принадлежит интеракции: лицу Созерцающему, валентному лицу Говорящему, то есть обладающему чувствительностью на лицо Говорящее.

Лицо Созерцающее – это та категория, которая, если прибегнуть к меткому выражению М. К. Мамардашвили, «выворачивает внутреннее» и «овнутряет внешнее» [2, с. 93]. Первое означает, что интенция лица Созерцающего, трансцендентно направляется вовне в виде «зеркальных нейронов» [3], то есть из субъективной действительности в объективную; второе обозначает, что интенция лица Созерцающего в своей экспериенциальной части интериоризует («овнутряет внешнее») пропозитивную информацию, живую картинку о том, что «лицо говорит».

Артефактным является сам процесс обнаружения лицом Созерцающим функции лица Говорящего в речевом акте в одно слово-предложение (*со* 'я') в классической прагматической ситуации (инг. *со в а хланз* 'я мужчина в пространстве теперь). Обнаруженное посредством наблюдения лицо, в его

прототипической функции (*лер* 'говорении') называется в специальной литературе *Говорящим* и квалифицируется в качестве основного объекта лингвистики: «Говорящий, мыслящий, чувствующий человек – главное действующее лицо в мире и в языке. Его осмысление мира, его отношение к другим людям выражается в избираемых им языковых и речевых средствах» [1, с. 107].

Лицо *Говорящее*: «*со* 'я'» типично для языков различных стратегий (номинативной и эргативной), оно отражается на всех уровнях структуры языка. В эргативных и номинативных языках лицо *Говорящее* представлено номинативной формой имени.

Лицо, которому предидируется речение, опознаваемо лицом *Созерцающим*, индифферентным лицу *Произносящему* [8, с. 198].

Лицо *Произносящее*, опознаваемое лицом *Слышащим*, онтологически совмещается с лицом *Говорящим* при удачном (успешном) речевом акте.

Лицо *Произносящее* (*аз (ERG) оал* 'я произношу', то есть обладаю способностью), обнаруживаемое в ингушском языке лицом *Слышащим* (*сона (AFF) хоз, аз (ERG) оал* 'я слышу, что я произношу', обладаю способностью) типично для нахского языка и стоит, на наш взгляд, в центре лингвистических исследований языков эргативной стратегии, наряду с лицом *Говорящим*. Поэтому в ингушском языке выделяется не один локутор, а значит, и не одно местоимение первого лица (инг. *со* 'я', *аз* 'я').

Ролевое распределение ингушских «лиц» в двух интеракциях (*Созерцающее*, валентное *Говорящему* и *Слышащее*, валентное *Произносящему*) на поверхностном (грамматическом) уровне экспонировано актантами, представленными различными падежами имени. Лицо *Говорящее* на синтаксическом уровне представлено актантом в номинативной форме имени (*со (NOM) лув* 'я говорю', то есть обладаю способностью), лицо *Произносящее* – актантом в эргативной форме имени (*аз (ERG) оал* 'я произношу', то есть обладаю способностью). Аффективные лица парадигмы *Созерцающее* и *Слышащее* функционируют в качестве актантов в

аффективной форме имени (*Сона (AFF)гу* 'Я вижу', то есть обладаю способностью, *Сона (AFF) хоз* 'я слышу', то есть обладаю способностью), так как представляют модальную сферу языка.

Граматику компонентов парадигмы лица ингушского языка, на наш взгляд, возможно квалифицировать в терминах Г.А. Золотовой как «ключ к строю языка, к строю текстов, к строю человеческой мысли» [1, с. 107].

Каждый из компонентов парадигмы лица ингушского языка (Созерцающий, Говорящий, Слышащий, Произносящий) претендует на статус первого лица, и соответственно, на каноническую (подлежащую) позицию. Претензия компонентов парадигмы лица на статус первого лица и подлежащую позицию обусловлена, на наш взгляд, специфической гетерогенной активностью (агентивностью) лица, прототипически экспонирующей релевантные функции (созерцание говорения и слышание произнесения).

Разнородность проявлений агентивности обуславливается референциальным различием лица, могущим созерцать, слышать, говорить, произносить. Интеграционным принципом релевантных свойств лица является их отношение к единому источнику – лицу речедеятеля, то есть денотату реальной действительности, на который направлена интенция сознания. Референциальное различие агентивных функций лица приобретает релевантность в вопросах расстановки лиц в пределах речевого акта – акта коммуникации. Дифференциальным признаком функций лица является их эксплицитная характеристика, это означает, что лицо Говорящее обнаруживается артикуляцией лица, а лицо Произносящее – акустически. Аффективные лица (Созерцающее и Слышащее) имплицитны: их функция обнаруживается во фреймах интенциональности [6; 7], участвующих в акте коммуникации.

В основе парадигмы из четырех лиц лежат эквиполентные и градуальные отношения: Говорящее vs. Произносящему и Созерцающее vs. Слышащему эксплицитными и имплицитными отношениями, валентностью,

функцией, антецедентностью, консеквентностью, интеракциональностью. Гомогенным объединяющим началом четырех компонентов парадигмы лица является, не только их отношение к единому лицу и гетерогенная агентивность, но и релевантность каждой отдельной активной функции лица, обуславливающей их претензию на статус первого лица.

Взаимосвязь функций четырех гомогенно-гетерогенных компонентов парадигмы лица представляют собой необходимое условие для запуска механизма прототипического акта коммуникации. Референциальная гетерогенность функций лица, являющаяся критерием их ролевого разграничения, не препятствует претензии каждого компонента парадигмы на агентивную роль в акте коммуникации.

Компоненты парадигмы лица ингушского языка, в силу онтологической гетерогенности их агентивности, дистрибутируются в семантической структуре (корне) глагола в качестве магистральной валентности, обуславливая дифференциацию глаголов по корпусам.

Размещение компонентов парадигмы лица, дифференцированных на основе референциально обусловленной агентивности, в семантической структуре отдельных глаголов, результирует распадением глаголов эргативного языка по различным корпусам (номинативный, эргативный, аффективный корпуса). Агентивные лица (Созерцающее, Слышащее, Говорящее, Произносящее), как глубинные категории (термин «глубинный» употреблен в соответствии с концепцией Ч. Филлмора [10]), закодированные в качестве магистральной валентности в семантической структуре глаголов, морфосинтаксически представлены актантами, выраженными ядерными падежами имени, каждый из которых претендует на позицию подлежащего в составе предложения.

1. *Со (NOM) сиха лув* ‘Я быстро говорю’.
2. *Аз (ERG) сиха оал* ‘Я быстро произношу’.
3. *Сона (AFF) дика гу* ‘Я хорошо вижу’.
4. *Сона (AFF) дика хоз* ‘Я хорошо слышу’.

В акте коммуникации в зависимости от характера эгоцентричной функции лица, мыслимой в качестве прототипической, предпочтение отдается отдельному компоненту парадигмы лица (Созерцающему, Слышающему, Говорящему, Произносящему).

Таким образом, онтогенетически присущее лицу речедеятеля свойство *лер* 'говорение' прототипически обнаруживается в канонической (элементарной) речевой ситуации в рефлексивном режиме интерпретации в дистинкции собственного *со* 'эго' в классической прагматической ситуации эргативных языков (*со в а хланз* 'я мужчина в пространстве теперь'), идентифицируемой с прагматической ситуацией номинативных языков *я здесь сейчас*. Релевантным для носителя эргативного мышления является тот факт, что *лер* 'речение', предцируемое лицу Говорящему, обнаруживается лицом Созерцающим как готовый к запуску механизм, а не моделируется референциально в классической прагматической ситуации в пространственно-временной действительности. По этой причине лицо Говорящее как эгоцентрик когнитивно маркируется носителями эргативного языка в качестве постулированного, то есть данного лицу априори. Получается, что артефактным является только процесс исполнения *лер* 'речения', а не его моделирование, как онтогенетического свойства лица речедеятеля, что и фиксируется эвиденциально эргативным мышлением.

Моделирование механизма лица *лер* 'говорения' мыслится эргативным нахским мышлением, как имевшее место в прагматической ситуации *со а воацаиш* 'когда я не в пространстве'. Это означает, что в континууме мышления речедеятеля в качестве артефактного эвиденциально отражается только запуск этого механизма, то есть его исполнение лицом, а не моделирование в классической прагматической ситуации (*со в а хланз* 'я мужчина в пространстве теперь').

Формирование, сотворение свойства лица (*йистхилар* 'изречения', *лер* 'говорения') не принадлежит лицу Говорящему и потому не может быть

эвиденциально закреплено в континууме мышления речедеятеля как артефактное. Лицу Говорящему принадлежит исполнение механизма *йистхилар* 'изречения' и *лер* 'говорения', а не его моделирование в прагматической ситуации, что и отражается эвиденциально в континууме мышления, а отсюда и в лексическом значении местоимения.

Артефактность, исполнение лицом *лер* 'речения' и его моделирование не совпадают в классической прагматической ситуации. Лицо Говорящее в прагматической установке (*со в а хланз* 'я мужчина в пространстве теперь') лишь запускает механизм речения, обнаруженный латентным лицом Созерцающим, но не моделирует его, что не может не отразиться в сознании индивида эвиденциально. Если нет эвиденциальной информации в континууме мышления, удостоверенной субъектом с эпистемическим *хов* 'знаю' статусом высказывания об артефактности моделирования языкового эгоцентрика (в нашем случае – лица Говорящего), то такие единицы языка помечаются маркой «дано независимо от воли и сознания» речедеятеля.

Интеракция, в которой лицо Созерцающее, наблюдающее лицо Говорящее в дистинкции собственного *со* 'эго', указывает на antecedentность наблюдающего лица, по отношению к наблюдаемому интериоризируемому лицу квалифицируемому в качестве консеквентного.

Прототипическая функция *лер* 'речение', исполненная лицом речедеятеля и эвиденциально отраженная в его мышлении, артефактна. Моделирование обнаруженной функции *лер* 'речения', предцируемой лицу Говорящему, эвиденциально не отражается в континууме мышления индивида и, как следствие, мыслится в качестве происходившего в прагматической ситуации *со а воацаш*, то есть когда я не в пространстве, и поэтому квалифицируется носителем эргативного мышления в качестве данной априори, то есть постулированной.

Посредством дискурса *Со* 'Я' осуществляется интеракция antecedentного лица Созерцающего, интенционально обнаруживавшего в дистинкции собственного *со* 'эго' консеквентное лицо Говорящее,

грамматически представленное в языках различных стратегий номинативной формой имени.

Таким образом, эгоцентричное лицо Говорящее как компонент парадигмы лица эргативного языка на глубинном уровне представляющее антропоцентрика *кхета саг* 'homo sapiens', а на поверхностном, лингвоцентрическом уровне выраженное местоименным существительным в номинативной форме имени, относится к языковой единице постулированной семантики.

Библиография

1. Золотова Г.А. Грамматика как наука о человеке // Русский язык в научном освещении. – М. 2001. №1. – С. 105-114. Лингвистическая семантика. – М.: Прогресс, 1981 (а). Вып. X. – С. 369-495.
2. Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути. М. Пруст «В поисках утраченного времени». – СПб: Изд. Русского Христианского гуманитарного института; Нева, 1997. – С. 290-291.
3. Риццолатти Дж., Синигалья К. Зеркала в мозге. О механизмах совместного действия и сопереживания / пер. О. Куликовой, М. Фаликман. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 208 с.
4. Тариева Л.У. Компоненты парадигмы лица ингушского языка // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. № 8. – Челябинск, 2014. – С. 329-338.
5. Тариева Л.У. Рефлективный режим интерпретации канонической речевой ситуации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – № 4. – М., 2013. – С. 84-89.
6. Тариева Л.У. Фрейм интенциональности лица Слышащего // Журнал фундаментальных и прикладных исследований. Гуманитарные исследования. № 4 (52). – Астрахань, 2014. – С. 24-27.
7. Тариева Л.У. Фрейм интенциональности лица Созерцающего // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). № 8. Том 3. – М.: Наука, 2014. – С. 197-202.
8. Тариева Л.У. Функция лица Произносящего, разводящая языки различных стратегий // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. №5 (40). – Орел, 2014. – С. 197-200.
9. Тариева Л.У. Языковая экспликация взаимоотношений между лицами парадигмы (на материале ингушского языка) // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). № 7. Том 3. – М.: изд. АНО «РИЭПСИ», 2014. – С. 311-316.
10. Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая семантика. – М.: Прогресс, 1981 (б). Вып. 10. – С. 496-530.
11. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Составление, перевод, вступительная статья, комментарии и указатели В. В. Библихина. Серия: Мыслители XX в. – М.: Республика, 1993. – 447 с.

References

1. Zolotova G.A. Grammatika kak nauka o cheloveke // Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii. – M. 2001. №1. – S. 105-114. Lingvisticheskaya semantika. – M.: Progress, 1981 (a). Vyp. X. – S. 369-495.
2. Mamardashvili M. K. Psihologicheskaya topologiya puti. M. Prust «V poiskah utrachenogo vremeni». –SPb: Izd. Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta; Neva, 1997. – S. 290-291.
3. Riccolatti Dzh., Sinigal'ya K. Zerkala v mozge. O mekhanizmah sovmestnogo dejstviya i soperezhivaniya / per. O. Kulikovej, M. Falikman. – M.: YAzyki slavyanskih kul'tur, 2012. – 208 s.
4. Tarieva L.U. Komponenty paradigmy lica ingushskogo yazyka // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. № 8. – CHelyabinsk, 2014. – S. 329-338.
5. Tarieva L.U. Refleksivnyj rezhim interpretacii kanonicheskoj rechevoj situacii // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. – № 4. – M., 2013. – S. 84-89.
6. Tarieva L.U. Frejm intencional'nosti lica Slyshashchego // ZHurnal fundamental'nyh i prikladnyh issledovanij. Gumanitarnye issledovaniya. № 4 (52). – Astrahan', 2014. – S. 24-27.
7. Tarieva L.U. Frejm intencional'nosti lica Sozercayushchego // European Social Science Journal (Evropejskij zhurnal social'nyh nauk). № 8. Tom 3. – M.: Nauka, 2014. – S. 197-202.
8. Tarieva L.U. Funkciya lica Proiznosyashchego, razvodyashchaya yazyki razlichnyh strategij // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novye gumanitarnye issledovaniya. №5 (40). – Orel, 2014. – S. 197-200.
9. Tarieva L.U. YAzykovaya ehksplikaciya vzaimootnoshenij mezhdou licami paradigmy (na materiale ingushskogo yazyka) // European Social Science Journal (Evropejskij zhurnal social'nyh nauk). № 7. Tom 3. – M.: izd. ANO «RIEHPSI», 2014. – S. 311-316.
10. Fillmor CH. Delo o padezhe otkryvaetsya vnov' // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Lingvisticheskaya semantika. – M.: Progress, 1981 (b). Vyp. 10. – S. 496-530.
11. Hajdegger M. Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya /. Sostavlenie, perevod, vstupitel'naya stat'ya, kommentarii i ukazateli V. V. Bibihina. Seriya: Mysliteli XX v. – M.: Respublika, 1993. – 447 s.